

Тогрул Мехти

Подарок дьявола

Тогрул Мехти

Подарок дьявола

«Издательские решения»

Мехти Т.

Подарок дьявола / Т. Мехти — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968163-8

Илья Иванов ученый-атеист, который научными расчетами предсказал не только начало Второй мировой войны, но и место, где все начнется. Он решил увидеть начало своими глазами и отправился в Польшу. По пути в поезде ученый встретил загадочного человека, который раскрыл ему тайну загадочного сна.

ISBN 978-5-44-968163-8

© Мехти Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Подарок дьявола

Тогрул Мехти

© Тогрул Мехти, 2019

ISBN 978-5-4496-8163-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1929 год. Северная Африка. Ливия, где-то посреди пустыни Сахары. Военные силы фашистской Италии под руководством генерала Антонио Вигнандела ведут поиски оставшихся членов национально-освободительного партизанского движения Ливии. Время – 2 часа ночи.

В толстой брезентовой палатке тишину нарушали только свист и гул ветра. Они были предвестниками начинающейся песчаной бури. Марио не мигая смотрел на мерцающий в темноте огонек керосиновой лампы, стоящей на столе. Ему было плохо. Трудно дышалось, было невыносимо и дальше терпеть раздирающую душу боль. Правая рука опустилась к кобуре, в которой лежал пистолет Berettam1934. Достал его, опустил на стол рядом с ручкой и испитым неразборчивым почерком листком бумаги. Писавший был явно на пределе нервного возбуждения.

Дрожащими пальцами, расстегнув две верхние пуговицы рубашки, он потянулся к железной фляге. Приложился к ней пересохшими губами. Но фляга была пустой. На язык упали лишь две маленькие капли напитка. Алкоголь помогал забыться хотя бы ненадолго. Но нет, это было ложное забытие. Мысль о тех безвинных терзала душу. Казалось, сейчас голова разлетится на сотни мелких кусочков, и возможно хотя бы это принесет облегчение. Он, швырнув флягу в сторону двери, которая тоже была из брезента, вдруг начал истерически смеяться.

Это был нервный смех, сопровождающийся удушающим кашлем. На глазах выступили слезы, а он все продолжал смеяться, давясь кашлем. Но вот смех прекратился также внезапно, как и начался. В палатке наступила тишина, нарушаемая порывами ветра, доносящимися из-за стен палатки. Казалось, он взял себя в руки, дыхание успокоилось.

– Будь ты проклят! – произнес Марио тихим и спокойным голосом.

Хладнокровный взгляд на бесчувственном, не выражавшем никаких эмоций лице генерала, когда тот отдал приказ: «Расстрелять всех без исключения», терзал воображение Марио, а сам приказ, не переставая звенел в ушах. И взгляд, и то, как властно, без признаков сожаления были произнесены эти слова – все выражало абсолютное, бескомпромиссное зло.

– Да, он приказал, но зачем я это сделал? – больно, изо всех сил сжав руками голову, произнес он вслух, и вновь его дыхание участилось, он застонал, качаясь на стуле. Нестерпимо болела душа, изнывая под тяжестью содеянного.

Взяв написанное письмо, Марио вложил его в конверт и надписал адрес и имя адресанта: «Федерико». Дойдет письмо или нет, было неизвестно, это уже не имело значения. Оно было написано не для того, кто его получит и прочтет, а скорее для самого же Марио, который таким образом пытался исповедоваться, но это ему тоже не помогло, да и не могло помочь. Его изнутри грызла проснувшаяся совесть.

Теперь он понимал, что выполнил отданный генералом приказ в страхе за свою жизнь. Понимал и презирал себя за чудовищную слабость и безволие. В тот момент Марио не признавал, что не сможет жить с такой ношей в душе. Он не привык сомневаться в приказах вышестоящих чинов, а потому не задумывался о моральной стороне того, что делает. Просто, как звено, стоящее между генералом и солдатами, он передал распоряжение вышестоящего военного нижестоящим военным. Он выполнил этот приказ, как и сотни других. И его солдаты расстреляли всех, и ту беременную женщину. А после того как она получив свою долю свинца, безжизненная упала на землю, он понял, какой невыносимый, страшный грех взял на свою душу. Одного его слова оказалось достаточно, чтобы жизни 112 мужчин и 18 женщин были оборваны. И еще жизнь того не родившегося ребенка. Одного он тогда не смог предвидеть: он убил не только осужденных, он загубил свою душу. И это при том, что точных доказательств того, что они были партизанами, не было. Приговор был вынесен без суда, без следствия и, самое главное, без желания разобраться во всем этом. Проще было убить всех и быть уверен-

ным в том, что теперь тебе ничего не угрожает, что нет живых, среди которых может оказаться враг.

Когда-то Марио был молодым красивым парнем. Ему очень шла военная форма. И Федерико была красивой девушкой. Они полюбили друг друга и вскоре поженились. Для полного всеобъемлющего счастья им не хватало только маленького чуда – ребенка. Но Богу было угодно отказать им в этом. Тот единственный раз, когда они могли стать родителями, стал роковым: Федерико не смогла, доносив до положенного срока, родить здорового ребенка. На последнем месяце беременности она попала в автомобильную аварию. Это решило все: их судьбу, их отношения друг к другу и даже к своему будущему. Они разошлись, но ни он, ни она не создали новой семьи. Боль утраты не родившегося ребенка всегда тяжким бременем давила на них. После этого переломного момента в их жизни, казалось, что и характер Марио изменился. Он посуровел, стал жестким, сухим человеком. Теперь он жил только на своей работе военного, где постепенно продвигался по службе. Хотя никакие продвижения не могли принести радости. Он был честным, хоть и черствым служакой. Но как ни странно, солдаты, служившие под его началом, верили в него и хорошо относились к нему. Он всегда беспрекословно выполнял приказы начальства, не задумываясь над их моральной, психологической и даже чисто физической обоснованностью. Военный должен выполнять приказ!

Марио подошел к небольшому заляпанному зеркалу, которое висело над переносной железной раковиной. Взглянул на свое отражение. Вид был удручающий. Глаза красные, лицо отёкшее, измождённое, а длинные, черные волосы, которые всегда аккуратно были уложены, взлохмаченные, в беспорядке свисали во все стороны. Надавив на ручку крана раковины, он намочил руки и пригладил волосы, затем аккуратно их расчесал. Намылив лицо помазком, тщательно побрился.

По давно устоявшейся привычке он все это делал машинально. А в голове все время звучала мольба той самой беременной женщины. Он попытался защитить ее, и сказал о ней генералу, но тот ничего не ответил, только посмотрел на Марио. От этого взгляда по коже пробежал мороз. Надо было выполнять приказ. Марио казалось, что он стоит перед самым дьяволом и отдает ему свою душу, но это все уже не имело значения. Он был обязан выполнить приказ!

Побрившись, застегнул воротник, привел форму в порядок, надел фуражку и опять произнёс: – Будь ты проклят!

Beretta в руках поднялась к виску.

– Прощай, Федерико! – произнес он и спустил курок.

Первым на звук раздавшегося выстрела в палатку командира вбежал рядовой Гатузо. Увидев тело, понял все, ведь он тоже видел тех безвинных людей и ту беременную женщину. Еще он понял, что предсмертное письмо, лежавшее на столе, если попадет в руки другим солдатам, то, скорее всего, будет вскрыто, и в дальнейшем рассматриваться как улика по делу о самоубийстве. Он, как и остальные солдаты, любил своего командира и поэтому спрятал письмо в карман, чтобы потом послать его по адресу, указанному на конверте. Вскоре в палатку собрались и другие солдаты. Они в недоумении смотрели на Марио, не решаясь подойти к нему. Но вот у входа появилась высокая фигура всем известного генерала Александра Вигнандела. Он, хромя на левую ногу, вошел в палатку и подошел к телу. В его взгляде было откровенное презрение. Посмотрев на солдат, он приказал: – Выбросьте это куда-нибудь подальше от лагеря, пусть будет кормом для диких животных.

– Генерал, мы можем похоронить нашего командира, – произнес один из солдат: – Он был смелым военным.

Генерал посмотрел ему прямо в глаза так, что тот весь покрылся холодным потом, и произнес: – Он не заслуживает почестей, так как принял смерть как трусливая собака. Я сказал: – Выкиньте этот кусок дерьма. Выполняйте приказ!

Глава 2

Год 1939. 29 августа 03:45. Ночь. Поезд Москва-Варшава, где-то на территории Украины.

Илья Александрович Иванов проснулся от визга тормозов поезда и быстро руками придержал готовую свалиться уже остывшую чашку чая. Это был вагон-ресторан. Он не понял, как уснул от качки поезда. Подтянувшись и протерев глаза, Илья осмотрелся. Пока он спал, ничего не изменилось. Значит, спал недолго. За столиком у двери сидела всё та же пара уже старых людей. Их взаимоотношения не могли не привлечь внимание. Старику было лет под 90. Он всю дорогу держал за руку свою старушку. Она была не намного моложе своего мужа. Всем своим видом, желанием угождать ей во всем, он выказывал трепетное отношение к ней. Она же капризничала, часто выражая свое недовольство разными мелочами. Ее ворчание бумерангом ударяло по молодому парню, который стоял за деревянной стойкой и обслуживал пассажиров в вагоне. Она ворчала на старика из-за того, что принося чай, он половину разлил по пути, а он осторожно, чтобы не обидеть ее, переводил разговор на юношу, возмущался неудобными по форме чашками. Юноша, пытаясь соблюдать приличия, стойко переносил все, не отвечая и не оправдываясь. Только изредка поднимал возмущенный взгляд на Илью, тем самым пытаясь заручиться хотя бы каким-то пониманием со стороны других пассажиров. Вся эта ситуация выглядела очень забавно.

– Что стряслось? – в очередной раз недовольным голосом обратился старик к юноше?

– Что-то опять не так? – переспросил тот, недовольно бросив белое чайное полотенце на деревянную стойку.

– Почему мы стоим?

– Не имею понятия! – пожав плечами, ответил тот.

– Так поди и узнай, – повысил голос старик. Но в разговор вмешалась его супруга:

– Да что ты хочешь от этого молодого человека! – возмутилась она.

– Я просто хотел спросить, почему мы стоим? – ответил он недовольным тоном.

У юноши на лице появилась довольная улыбка. Он взял полотенце со стойки и довольный перебросил его себе через плечо. Не удержавшись, ехидным взглядом посмотрел на старика.

Илья положил чашку на стол и посмотрел в окно, чтобы понять, что же все-таки происходит. Но стояла глубокая темная ночь, в окно ничего не было видно, кроме отражения его собственного лица на стекле. Засмотревшись на свое отражение, он задумался. Путь, на который он вышел, должен был многое определить. Он был уверен, что его идеи, проведенная в последние годы кропотливая научная работа, найдут неопровержимые доказательства. И тогда весь мир увидит его таким, каким он сам себя видел и считал. Засмотревшись на свои волосы, уже начавшие седеть на висках, но все еще переливающиеся золотистыми кудрями, он думал о том, что его будет ждать на родине при возвращении домой. Илья уже хотел вернуться в своё купе, где спала его жена. Хотелось до приезда и самому выспаться, как вдруг внезапно раздавшийся звук приближающихся к вагону-ресторану шагов привлек всеобщее внимание. И Илья, и юноша за стойкой прилавка, даже старик со старухой, повернули головы к двери ресторана. Наступила тишина. Все, затаив дыхание, в ожидании смотрели на дверь, которая медленно отворилась. У порога показался силуэт. Это был высокий, подтянутый, одетый в элегантный серый костюм молодой человек. Лицом он удивительно был похож на царя Николая. Разница была только в том, что пришедший был чисто выбрит. Сходство с царем было таким разительным, что все в помещении удивленно переглянулись друг с другом. Если бы не тот факт, что царь был убит, наверняка все были бы убеждены что это он и есть.

Человек этот с мягкой улыбкой на лице поприветствовал всех присутствующих, после чего вальяжной походкой пошел дальше по застеленному красным ковром вагону. Ковер заглушал звук шагов от подошвы его удивительно чистых лакированных ботинок. Когда он про-

ходил мимо Ильи Александровича, тот опустил глаза, понимая, что неприлично засмотрелся на этого загадочного пассажира и при этом невольно обратил внимание на свою уже бесформенную, выцветшую обувь. Подтянув ноги под себя и спрятав их таким образом, он остановил свой взгляд на разводах от чая, оставшихся на белой фарфоровой чашке. Илья краем глаза пытался следить за движениями пришедшего. А тот уже должен был пройти мимо его столика, как вдруг остановился!

– Неужели это вы? – удивленно, приятным грудным голосом спросил он.

В этом голосе было что-то такое, от чего Илья испытал физический трепет. Он поднял голову и с удивлением спросил у незнакомца:

– Извините! Мы знакомы? – пытаюсь понять, откуда незнакомец может его знать.

– Кто же вас не знает! Вы выдающийся ученый. Ведь это же ваша теория, утверждающая, что идея диктуется законом материи.

Илья, немного засмутившись, произнес: – Ну, не настолько выдающийся. Его слава давно померкла, но тем не менее было лестно, что о нем до сих пор помнят.

– Я с вами не соглашусь, уважаемый. Вы даже не представляете, какая честь для меня встретить вас в этом вагоне, – произнес он.

«Видно интеллигентный человек», сразу подумал Илья. Не часто можно было услышать такую вежливую речь. Было приятной случайностью встретить в поезде человека, с кем можно было бы побеседовать. Даже желание пойти спать отошло на задний план, уступив место надежде на интересное общение с незнакомцем.

– Я вам благодарен за столь лестные слова, не хотите ли сесть за мой столик? – спросив, он показал на свободное место напротив.

– Если конечно я вас не стесню своим присутствием?

– Нет, уважаемый. Напротив, будет приятно скоротать время за интересной беседой.

Молодой человек придирчиво посмотрел на резную деревянную скамью, обитую красной материей, после чего недоверчиво, словно может испачкаться, сел, пытаясь принять удобную для себя позу.

В данной ситуации это выглядело не совсем обычно, а скорее странно. Поезд шел по новому, недавно открывшемуся маршруту из Москвы в Варшаву. И поезда на этом маршруте тоже были новые. Пахло смешанным запахом древесины и материала обивки сидений. Но не это было странным или непонятным. Странной была поза, которую принял незнакомец. Он сидел, не прислоняясь к спинке сидения. От этого его спина была совершенно прямой, и казалось, что при первом рывке или остановке поезда он непременно опрокинется как неудобно поставленная вещь. Но справедливости ради, надо было сказать, что осанка у него была отменная. Во всех его движениях и позах от него исходил дух аристократизма, который уже давно начал забываться в коммунистической России. С виду ему было под 40, хотя на голове не было ни одной седой волосинки, а на лице ни одной морщины. Кожа была белая, холёная, волосы каштановые, хорошо подстриженные и привыкшие к красивой укладке. Одежда на нем сидела как влитая – без складок, морщин. Это был элегантный мужчина! И он все время улыбался. Илья тоже пытался держать на лице улыбку, но уже совсем скоро у него начали болеть скулы от непривычной гримасы на лице.

– Как вас величать? – спросил Илья.

– Габриель. Меня зовут Габриель.

– Габриель? Интересно, – задумчиво произнес Илья.

– Что же интересного?

– У вас имя, не привычное для русского человека, а говорите вы на русском безупречно.

– Благодарю!

Габриель продолжал улыбаться, ничего не ответив на замечание Ильи о его имени. Образовалась небольшая пауза и даже почувствовалась какая-то неловкость, но доброжелательное выражение на лице Габриеля смягчило обстановку.

– Как же вы похожи на покойного царя Николая. Вам, наверное, часто это говорят? – задав этот вопрос, Илья хотел найти ответ на это удивительное сходство. А вдруг его собеседник приходится родственником царя. В этот момент Илья понял, что внимание всех присутствующих сосредоточено на них. Он пытался говорить тихо, но и юноша и эта любезная парочка старых людей внимательно и с любопытством прислушивались к их беседе, стараясь не пропустить ни одного сказанного ими двоими слова.

– Похож! Нет, я не являюсь родней царской семьи! К счастью, меня еще никто за царя не принимал. Боюсь представить, что со мной было бы в таком случае, – произнес Габриель. В этих словах были сожаление и ирония, но не было ответа, который бы дал хоть какую-нибудь информацию о том, откуда Габриель родом и кем является. После небольшой паузы он нагнулся немного вперед к Илье, словно хотел спросить о чем-то тайном.

Завораживающим взглядом, посмотрев ему прямо в глаза, произнес:

– Вы смогли предсказать будущую судьбу человечества?

Этот вопрос застал Илью немного врасплох. Он быстро посмотрел на оттянутый карман своего пиджака, где было запечатанное письмо с надписью: " Моей дорогой Елене». Увидев, что и внимание Габриеля привлекло это письмо, он попытался незаметно поглубже запихнуть в карман торчавший угол конверта.

– Если вы не в курсе, то знайте, моя научная работа, где рассматривались, как вы выразились «предсказания» не увенчалась успехом, – с печалью в голосе произнес Илья. Но вместе с тем его лицо выражало непонятную в данной ситуации уверенность, сменившуюся сожалением.

– Но ведь вы наверняка не потеряли надежду доказать свою теорию? – подняв брови, спросил Габриель.

Илья немного замешкался. Не зная хорошо своего собеседника, он понятно, что сомневался в том, стоит ли быть с ним откровенным. Подумав, Илья ответил очень коротко и лаконично, с ироничным выражением лица:

– Я оставил эту затею!

– Такая амбициозная идея! Вы представляете, что было бы, если то, что вы утверждали, нашло свое отражение в реальности? И вы так просто отказались? Неужели вам не захотелось утереть нос тем, кто надсмехались над вашей идеей?

В это время поезд толчком тронулся с места и начал постепенно набирать скорость.

– Думаю, их критика относительно моей работы была объективна, – произнес Илья и, вздохнув, продолжил: – А те, кто называют меня всякими глупыми словами, выставляют себя посмешищем. Они забывают про мою первую научную работу, когда сами с восторгом аплодировали мне.

– Что значит мудрый человек. Не всякий может признать, что потерпел такую ошеломляющую неудачу! А потерпев, еще и признать правоту своих критиков, — произнес Габриель.

А Илья Александрович, слушая своего собеседника, не переставал удивляться тому, что этот молодой человек все время улыбался. Мелькнула мысль: А может он не улыбается и это обычное выражение на его лице, которое путает Илью и периодически даже заставляет его пытаться делать тоже самое.

Габриель продолжал говорить:

– Да, ваша первая работа изменила отношение к Богу многих мыслителей современности. Любопытно, как вы пришли к такому неожиданному заключению, – закончив говорить, он в первый раз за все время оторвал свой взгляд от лица Ильи и посмотрел в окно на уже светлеющее небо. Потом обернулся и продолжил:

– Наверное, это был очень долгий труд.

Илья еще ни разу за все эти годы не раскрывал свою тайну, но что-то в этом молодом человеке словно принуждало его к искренности. Несмотря на то, что Габриель был сам очень загадочным человеком, его улыбка, мягкий голос и добрые синие глаза излучали спокойствие и уравновешенность. Это стало причиной того, что Илья заговорил о том, что утаивал долгие годы. Он всегда чувствовал необходимость в том, что принято считать исповедью. Ему хотелось поделиться душевной тайной, но подходящего человека, кому можно было бы открыться, не было. Габриель мог бы быть им. Ведь это случайная встреча с человеком, которого возможно он никогда больше не увидит. И значит, это ничем не может обременить Илью или чем-то навредить ему.

– Не было никакого труда, я увидел все во сне. Словно что-то или кто-то свыше передал мне эти знания, эту идею, – произнес он. Несмотря на то, что именно эта работа принесла ему немислимую славу в ученых кругах, он никогда не считал ее полностью своей.

Габриель, еще шире улыбнувшись, произнес:

– Как интересно, что-то или кто-то свыше даёт вам то, что опровергает существование Бога.

И действительно, сказанное было настолько нелогичным, что и сам Илья засмеялся, сделав вид, что эта оговорка была намеренной.

– У вас очень тонкий юмор, – произнес Габриель, и посмотрел через окно на небо так, будто там кого-то искал:

– И вы написали все так, как было в вашем сне? Или вы интерпретировали?

– Все именно так. Я был аспирантом Ленинского университета и моим научным руководителем был сам Борис Меньшиков, блестящий ученый, – сказав, Илья снял очки, и, протерев их носовым платком, продолжил:

– Покойный товарищ Меньшиков был незаурядной личностью. Очень требовательный и грубый в своих высказываниях. Не знаю, откуда в нем было столько злости на людей. Может из-за врожденного порока.

– Что за врожденный порок? – спросил Габриель.

– Он хромал на левую ногу! Говорили, что это не ранение, а врожденное, – сказал Илья, и ухмыльнувшись продолжил: – Поговаривали, что у него на левой ноге всего два пальца, но я думаю, люди это придумали от злости к нему.

– Интересно! – задумчиво произнес Габриель.

– Изначально направление моей темы выбрал он сам лично. Она была очень сложной, так как нельзя было пользоваться книгами, которые были хоть как-то связаны с именами ученых, не разделяющих идеи Маркса и Ленина, – последние имена Илья произнес тихо, боясь, что их услышат, после чего продолжил:

– Мне нужно было написать что-то серьёзное, что ставит под сомнение существование Бога. Представляете, как это сложно было сделать, не имея в руках достаточного количества научного материала.

– Представляю! Интересно как же дальше сложилась ваша история! – спросил Габриель, и в ожидании продолжения пристально посмотрел ученому в глаза.

– Не могу забыть, как он отчитал меня перед моей супругой. Тогда еще наша любовь, наши отношения только зарождались. Елена Ивановна, то есть моя жена, в ту пору работала его ассистенткой. Представьте себе, как мне было неловко и стыдно перед ней. Все, что я писал, все было неудачно. Помню этот самый день. Всю дорогу до дома, я думал, о том, что же сказать своему отцу, который ждал меня с вестями, и как теперь показаться на глаза любимой девушке. Всё складывалось плохо для меня.

Глава 3

Поезд вновь сделал остановку у какой-то станции. Было раннее утро. На крыше здания станции была пристройка, чем-то схожая с пожарной каланчой, и на ней были установлены большие часы. На них время показывало 7:00.

– Не желаете ли выйти подышать свежим воздухом и размять ноги? – предложил Илья. Он уже несколько часов как не курил.

Габриель, посмотрев в окно, произнёс: – Если вы не против, уважаемый ученый, я бы вас здесь подождал.

– Я ненадолго. С вашего позволения, – произнес Илья. Он встал и направился к выходу.

Илья вышел из вагона – ресторана в протянувшийся перед дверьми купе узкий коридор. Несмотря на то, что ковровой дорожки здесь не было, все выглядело чистым, свежим и аккуратным. На каждой двери купе были номера, обозначенные римскими цифрами. У двери под номером 21 Илья остановился. Стараясь бесшумно двигаться, он отворил раздвижную дверцу и прошел во внутрь.

В купе было 4 места, но только одно из них была занято. На нем спала женщина. Илья подошел, поцеловал ее в голову так, чтобы она не проснулась. Потом он вытащил письмо из кармана и положил на маленький столик под широким окном. На конверте было написано «Моей дорогой Елене. Открой его на третий день нашего пребывания в Варшаве». Выполняв то, что он задумал с самого начала этого путешествия, Илья вышел из купе и направился по коридору к двери, откуда проникал утренний свет. Перед дверью стояла полная женщина – проводница. Внезапно свет прикрыла чья-то тень. Через дверь прошёл человек. Видимо это был новый пассажир, Илья его ни разу не видел за все время пути. Он шел навстречу Илье, вид у него был странный. Первое что привлекло к нему внимание, это то, как он хромал на левую ногу. Это было точное повторение хромой походки Бориса Меньшикова, научного руководителя Ильи. Постепенно внимание Ильи с ноги перешло на внешность пришедшего, которая тоже была довольно странной. Его длинные волнистые и слегка поседевшие волосы, свисавшие неаккуратными подобиями прядей из-под странного бесформенного головного убора, сливались в один цвет с черным, покрытым пылью плащом. Взгляд был тяжелый и грозный, от которого Илье стало совсем не по себе. Тот медленно приближался и смотрел прямо в глаза. Увидев его, Илье захотелось найти любую лазейку в коридоре лишь бы не столкнуться с ним лицом к лицу, оказавшись на его пути. Странные чувства охватили его, когда глядя на этого нового незнакомца, появилось ощущение того, что этим взглядом он проникает в самую глубину души. Илья понял, что столкновение неизбежно и решил как можно быстрее пройти мимо него.

Когда тот оказался напротив, Илья, поглубже втянув живот, прижался к стене, чтобы уступить дорогу. Мужчина проходя, остановился напротив, именно так, как больше всего не хотелось Илье— почти вплотную лицом к лицу, даже чувствовалось его дыхание. Серые глаза, выражающие безумие и зло, проникая в самую глубину души, наводили страх. Илья был так напуган, что ничего не сказав, опустил взгляд и быстро проскользнул между этим человеком и стеной. Быстро дойдя до выхода на перрон, он невольно оглянулся назад. Тот тоже стоял обернувшись, и смотрел вслед Илье. Немедля спустившись по железным ступенькам, Илья прыгнул на землю. От этого недоброжелательного взгляда в животе все скрутило, к горлу подкатил тошнотворный ком. Ни в коем случае не хотелось вновь столкнуться с этим человеком. Он достал папиросы и только закурил, как проводница громко объявила об отъезде поезда. Илья был единственным человеком, вышедшим на перрон, поэтому проводница просто обратившись к нему, позвала обратно в вагон. Он, сделав две быстрые затяжки, бросил папиросу, и ухватившись за поручни, поднялся в вагон.

Глава 4

– Илья, Илья! – произнесла Елена, едва открыв глаза. Не успев до конца проснуться, она подняла голову и оглянулась. Все свободные места были застелены, но еще никем не тронуты. Муж даже не ложился. Слегка приподнявшись, Елена увидела конверт на столике перед окном, который был адресован ей. Корявый почерк мужа, который она узнавала сразу, сначала настрожил ее, но прочитав, что ей не следует открывать сейчас, Елена поняла, что это сюрприз, поэтому спрятала его во внутренний карман, и вновь положила голову на подушку. В эти дни он ведет себя по отношению к ней очень внимательно, предупредительно. Она чувствовала, как он изменился, видела его трепетное отношение к себе, когда он ловил каждое ее слово, стараясь выполнить любое желание. И даже эта поездка. Ведь она совершенно не ожидала, что он возьмёт ее с собой на эту научную конференцию. Это было не в его характере, а потому странно, но до чего ей было приятно опять чувствовать себя любимой, нужной и просто желанной.

– Что же там может быть написано? Неужели стихи? – думала она. Было время, еще до замужества, Илья часто писал ей. У него не было таланта стихотворца, но в его стараниях она чувствовала любовь. Все, что нужно было ей в жизни – это быть любимой. После замужества у нее часто возникали сомнения в правильности своего выбора, ведь он все свое время посвящал работе. Постепенно ушла вся романтика в их отношениях, и дальше все становилось только хуже и хуже. Илья редко стал говорить с ней по душам, реже покидал свой кабинет. Несмотря на то, что они жили под одной крышей, даже видеться получалось не так часто. Она ложилась спать намного раньше, чем он, а когда просыпалась, то он все еще спал. Часто открыв глаза, Елена подолгу лежала и просто с любовью смотрела на спящего мужа. Это была единственная возможность просто почувствовать его, почувствовать свободным от мыслей, отстраненным от вечной рутины, в которой он стремился открыть новые горизонты в науке. Вместе с тем она никогда не теряла надежду, что настанет время, когда он вернется и будет таким как раньше: заботливым, нежным и романтичным. А до этого времени нужно было просто поддерживать его и быть ему другом. Ее терпение и мудрость при красивой внешности делали ее необыкновенной и завидной женой. Это видели всё окружение, все друзья Ильи Александровича. Они часто говорили ему о том, что ему улыбнулась удача, и он сумел создать семейный очаг с такой чудесной женщиной. На все это Илья с довольным видом отвечал:

– Каждый в жизни получает то, чего заслуживает.

Возможно, ее отношение к нему было еще связано с тем, что Елена потеряла отца, будучи еще подростком. Когда она выходила замуж, ей только исполнилось 18 лет. Между ними была разница в десять лет. Илья был ей не просто мужем, а чем-то гораздо большим. Он сам иногда говорил ей:

– Я твой родитель!

Единственная разница была в том, что ее отец был очень набожным человеком в отличие от мужа. Она выросла в крестьянской семье, где в самом красивом углу хаты была икона, и родители часто молились перед ней, приучая и дочь к любви и поклонению всевышнему. И эта деревенская девочка, попав в город, встретившись с Ильей, постепенно проникаясь его чувствами, его мировоззрением, начала разделять его восприятие действительности и смотреть на мир его глазами. Трудно судить о том, как это произошло. То ли она боготворила мужа, то ли утратила в душе веру в Бога. Прошло уже 10 лет с тех пор как они вместе, а ее стремление не разочаровывать мужа ни при каких обстоятельствах было также незыблемо, как и в первые годы замужества. Если же говорить об Илье, рассматривая его отношение к Елене, то создавалось впечатление деспота в семье, но это было ложное впечатление: он таковым не был. За все время семейной жизни Илья ни разу не позволил себе грубости по отношению к жене. Если

ему что-то не нравилось, он просто молчал и уходил в себя. Это было самое страшное для нее наказание, так как она и так всегда испытывала дефицит общения с ним.

В предвкушении того, какой сюрприз ее ждет в этом письме, она смотрела на только-только зарождающиеся солнечные лучи, проникающие сквозь прозрачные шторы в окне, и сама не заметила как опять заснула.

Глава 5

Илья, набравшись смелости, заглянул внутрь вагона. Очень не хотелось вновь встретиться с новым пассажиром. Но к его счастью по коридору до самого конца, пассажира, который навел ужас своим взглядом, не было. Он пошел прямо к вагон-ресторану. Проходя мимо своего купе, Илья приотворил дверь. Через открывшуюся щель было видно как Елена все еще спит. Убедившись, что с ней все хорошо, он опять плотно закрыл дверь.

Он был все еще под впечатлением встречи с незнакомцем. Не покидало неприятное ощущение, вызванное им. Взгляд блуждал по всему вагону в поисках этого странного человека. Но как это бывает часто, поиски были не для того, чтобы найти, а для того, чтобы своевременно избежать ненужной встречи. Войдя в вагон—ресторан, он опять быстро окинул взглядом все помещение. Его там не было. С чувством облегчения он уже внимательней пригляделся к публике. Здесь сидели все та же пожилая пара и Габриель. Все было спокойно, и Илья уверенно направился за свой столик.

– Вы вернулись так быстро, – улыбаясь, произнес Габриель.

– К сожалению, я не успел выкурить сигарету, остановка оказалась слишком короткой, пришлось вернуться, – как только он произнес эти слова, поезд, вздрогнув всем корпусом, тронулся в путь.

– Я в предвкушении продолжения вашей истории, уважаемый Илья Александрович.

Илья попытался вспомнить, на чем же он остановился, когда Габриель произнес:

– Вы остановились на том, как Борис Меньшиков, ваш научный руководитель, отчитал вас перед вашей будущей супругой Еленой Ивановной.

– Именно так. Отчитал по полной программе, не задумываясь над тем, что мне, может быть, неприятно слышать все сказанное им в присутствии молодой и красивой девушки, за которой я уже ухаживал, что его бесцеремонность, грубость быют по моему самолюбию, – произнес он. Неприятные воспоминания юности опять ожили в памяти ученого, но вместе с тем ему польстило, что Габриель запомнил их последний разговор. Это значило, что его действительно заинтересовал рассказ Ильи, это не было просто проявлением вежливости по отношению к собеседнику. Но вместе с тем Илью не покидало ощущение того, что все происходящее этой ночью в этом вагоне, его собеседник, который производил хорошее впечатление – все вместе, в совокупности создавало атмосферу странного. Он даже четко определить не мог, что это такое «странное». Но оно было почти во всем: в вагоне, в пассажирах, в их отношениях, а более всего в двух последних пассажирах, о последнем из которых не хотелось ни вспоминать, ни тем более думать. Отвлечшись от этих мыслей, он продолжил свой рассказ:

– В этот вечер я был очень подавлен. С одной стороны я понимал, что мне нужно будет как-то рассказать отцу о том, как прошла встреча с научным руководителем, о чем мы говорили с ним, как он оценил мой труд. Отец очень болезненно относился к моей диссертации, был лично знаком с Борисом Меньшиковым, и для него было важно знать, как складываются наши отношения руководителя и аспиранта, которые целиком строились на знаниях, научной работе его сына, а значит – создавали его репутацию. С другой стороны, мне было так стыдно перед Еленой, что, несмотря на то, что мы договорились пройтись по вечернему бульвару, я даже не осмелился предупредить ее о том, что не приду. Вот так я и добрался домой, готовя себя к встрече с отцом. Но когда я увидел его, ожидающего меня с вестями, то не смог взглянуть ему в глаза, просто не смог! Не смог сказать правду, что не справляюсь с научной работой, что я работаю много и усердно, но пишу не то, что нужно. Я был очень подавлен, отведенного для завершения работы времени оставалось совсем мало, а работы не было. В таком состоянии я уснул и мне приснился сон. Тот самый сон, который опровергает само существование Бога, как начала всего.

Сказав, Илья сделал глоток чая из фарфоровой чашки. Чай остыл уже пару часов назад. Посмотрев в черные глаза Габриеля, он невольно замолчал. Так вот что было не так, вот что было странно. Илья был убежден, что у Габриеля были синие глаза. Он точно помнил, что обратил на это внимание.

Заметив удивленное выражение на лице Ильи, Габриель спросил:

– С вами все хорошо, Илья Александрович?

– Нет, – произнес тот и подумал о том, насколько это выглядит нелепо и неправдоподобно. Возможно, он ошибся или это освещение его запутало.

– То есть да! Все хорошо, – быстро ответил он и продолжил:

– Я проснулся и на сонную голову написал теорию, которую увидел во сне, после чего направился в Ленинский Университет. Отдал это научному руководителю и вернулся домой. Но уже на полпути я пожалел о том, что сделал.

– Почему?

– Мне показалось, что именно в этот момент я полностью проснулся и осознал, что возможно то, что я написал, не слишком научно. Я действительно очень сожалел о сделанном, но было уже поздно. Не мог же я поехать к своему научному руководителю и попросить или, того хуже, потребовать у него свою, как я ее окрестил, писанину. На следующий день я был готов к очередной экзекуции – критике Бориса Меньшикова. Но к моему удивлению, все оказалось совсем наоборот. Он был в восторге.

– Расскажите про этот сон, который прославил вас.

– Сон был очень странный! Не такой, какими обычно бывают сны.

– Интересно.

– Я часто вижу сны. Они бывают то четкими, то размытыми как по содержанию, так и чисто зрительно. Наверное, это выражение не совсем точное. Я имел в виду четкие картинки сна. Но этот сон был очень ясный и по содержанию, и зрительно. Больше того: я помнил каждую деталь, каждый мелкий штрих в этом сне, даже после того, как прошло много времени. Обычно сны забываются через пару часов. Мы только помним суть и забываем массу мелких подробностей, которые делают сон хорошим или плохим, но таким сказочным. Но этот сон был совсем другим.

Пока он говорил о своих ощущениях, связанных с тем необыкновенным сном, мысленно он постоянно возвращался к вопросу о цвете глаз Габриеля. Тем не менее, он продолжил свой рассказ:

– Да этот сон прославил меня, но ощущение того, что это не мое достижение, не покидало меня. Возможно, именно поэтому меня постоянно подстегивала мысль самому, своими знаниями достичь большего.

– Я знаком с вашей первой научной работой. Она уникальна! Но одно дело прочитать сухое научное изложение фактов и совсем другое дело услышать о ней из уст самого автора. Для меня было необыкновенной удачей встретиться и познакомиться с вами, а услышать ваше изложение научных фактов с вашими пояснениями к ним – об этом я даже не смел мечтать, – сказал Габриэль таким тоном, что трудно было понять: он просит, или предлагает, или же требует рассказать о своей работе Илью. Но сам голос и эта нечеткая интонация не оставляли выбора. Надо было выполнить просьбу-требование нового знакомого.

Илья Иванов окинул взглядом присутствующих в вагоне. То ли его чувства были слишком обострены, то ли это было из-за того, что он не выспался, ему были неприятны взгляды присутствующих. Еще совсем недавно миловидный юноша, теперь смотрел на Илью взглядом некоего заговорщика, и не только он один, даже эта любящая старая супружеская пара уже не излучала те флюиды любви между собой. Только во взгляде своего собеседника он чувствовал уют, покой и защищенность.

– Вы согласны со мной, что закон природы в своем проявлении безупречен и работает как часовой механизм, никогда не давая сбой? – спросил Илья Александрович.

– Допустим, что это так!

– Ведь если будет сбой, то разрушится тот мир, который нам известен.

Габриель задумчиво произнес: – Вполне возможно!

– В нашем мире все соответствует всему. К примеру, если вы посадите 10 деревьев, а по закону природы должны привиться лишь 5, то обязательно те, которые слабее вымрут. И этот математический подсчет безупречен. Потребляемое обязательно должно соответствовать потребителю. Если этот закон нарушится, пусть даже незначительно, то обязательно приведет к разрушению.

– Я с вами, пожалуй, соглашусь, – произнес Габриель и посмотрел на присутствующих, которые тут же отвели взгляды, видя, что их внимание неприятно Габриелю.

– Так вот, – продолжил ученый: – Если я сейчас подумав решу погубить одно дерево, то теоретически по истечении определенного периода времени по моей вине будет недоставать 10000 деревьев, так как я нарушил систему по которой каждое дерево в определенное время должно было давать потомство, и со временем в геометрической прогрессии.

– И?

– Тут невольно возникает вполне логичный вопрос: Как закон природы остается безупречным, несмотря на то, что в него вмешалась моя мысль, значительно повлияв на исход событий?

– В чем же заключается ответ на этот логичный вопрос? – спросил Габриель все с той же вечно играющей на его лице улыбкой.

– А ответ в том, что вероятно я в то время, когда решил погубить дерево, был уверен в том, что решение лично мое. Но ведь возможно, что мои мысли и решения тоже принадлежат, и следовательно, подчиняются закону природы. И это дерево должно было умереть. И в этот момент инструментом в «руках» закона природы стали мои мысли, мои решения.

– Вы хотите сказать, что ваши мысли вам не принадлежат, а обуславливаются законом природы? – переспросил Габриель.

– Именно. Мы думаем, что они, наши мысли, принадлежат нам, они наши, и мы способны нашими решениями что-то изменить. А на самом деле все войны, все события, которые происходят из-за людей, на самом деле происходят исключительно по воле той самой системы закона природы.

– Я с вами соглашусь, но причем тут Бог? – спросил Габриель и в его улыбке промелькнул некий азарт.

– Ученые – идеалисты дают описание божества как ума, как чего-то нематериального. И по Библии человек создан по его подобию. Но раз ум диктуется законом природы и не является самостоятельным, то как он может быть началом всего? – спросил Илья и довольно улыбнулся.

– Да соглашусь, что ваша теория действительно очень интересна. А что же случилось дальше?

– После того как я опубликовал свою работу, моя слава распространилась по всему Советскому Союзу и вышла даже за рамки нашей страны за рубеж. Многие ученые трудились над моими утверждениями, пытаясь их опровергнуть, но так и не смогли поставить что-либо им в противовес. Но как я говорил, меня гложет то, что это пришло ко мне во сне. Я очень хотел создать работу, которая изменит весь мир и всю науку. Я решил, основываясь на своей первой работе, написать новую.

– Продолжайте! Прошу вас! – произнес Габриель, видя, что Илья прекратил говорить.

– Я подумал: раз ум диктуется законом природы, то можно с помощью математических вычислений определить дату, когда матушка природа заставит человека начать войну. Это

натолкнуло меня на мысль написать свою вторую работу, которая уничтожила весь мой авторитет и поставила под сомнение мой статус, – произнес Илья Александрович и погрузился в воспоминания того периода своей жизни.

Глава 6

Воспоминание

Это был 1934 год, пятое февраля. Илья сидел в кресле. Он был настолько погружен в свои мысли, что забыл стряхнуть пепел с тлеющей сигареты. Лишь тогда, когда пепел упал, рассыпавшись на его брюках, он, еще окончательно не отвлекшись от мыслей, машинально отряхнулся. Огонёк на тлеющей сигарете уже добрался до его пальцев. Пепельница была полна окурков. Прижав окурочек к краю пепельницы, он потушил его и пристроил на верхушке пирамиды из окурков.

В комнате, где обычно работал Илья, свет был приглушен. От деревянного стола перед окном, за которым было его рабочее место, до самого кресла-качалки, находившегося почти у дверей в комнату – повсюду были разбросаны листки бумаг. Последний год Илья почти безвыходно находился в этой комнате. Каждый раз, выходя из комнаты, он закрывал дверь на ключ, чтобы жена, заглянув туда, не решила прибраться. Весь этот на первый взгляд казавшийся беспорядок был его, Ильи четким порядком. Он знал, что где лежит и на самом деле все эти неаккуратно разбросанные бумаги в голове Ильи были не разбросаны, а расположены по определенной схеме. Встав, он бросил взгляд на листки и вздохнул полной грудью. Они были свидетелями его сложной и очень трудоемкой работы, которую сегодня, час тому назад он завершил. Илья подошел к вспотевшему изнутри окну и рукавом толстого махрового халата протер стекло.

Его окно выходило на детскую площадку. Толстый слой снега покрывал все вокруг. Если бы он не знал, что это детская площадка, то под слоем снега никогда не узнал бы ее. Небо было почти такого же белого цвета как снег на земле, поэтому было невозможно определить линию горизонта. Все слилось и спряталось под одним сплошным белым покрывалом. Изредка появлялись куда-то спешащие пешеходы. Они, с трудом перебираясь по сугробам, шли по своим делам. Илья смотрел на эту поистине сказочную картину с удовольствием и какой-то детской радостью. На его лице появилась улыбка. Немного постояв перед окном, он, вдохнув полной грудью, повернулся и подошел к столу, на котором слева в углу была аккуратно сложенная стопка бумаг. Сняв последний лист из печатной машинки, он положил его сверху на стопку. Большие настенные часы показывали два часа дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.